

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

* * *

*Вот так становится понятно,
Когда присядешь закурить,
Что смерть не так уж необъятна,
Как мы привыкли говорить.*

*И тот, на ком рюкзак, разгрузка,
Бронежилет и пулемёт,
Сквозь толщу смерти тропкой узкой
В своё бессмертие идёт.*

* * *

А мне говорят: не смотри, отвернись,
А я говорю: не хочу, —
Как смерть выгрызает по косточке жизнь,
Как мрак поглощает свечу.

А мне говорят: отвернись, не смотри,
А я говорю: не могу, —
Как крошится важное что-то внутри
Беззвучно в ответ сапогу.

Мне уши пытаются чем-то заткнуть,
Глаза прикрывают рукой.
А я объясняю: поймите, ничуть
Не нужен мне сытый покой.

Пока там детей убивают смеясь,
Насилуют их матерей —
Мне жизненно важно поддерживать связь
С лазурной отчизной своей.

И, через себя пропуская войну,
Я *так* укрываю собой
Родную, бескрайнюю эту страну,
Чтоб та оставалась — живой.

КАИН

Каин, где брат твой, Авель?
А в ответ — тишина.
Стук обветшавших ставень.
В Киеве бузина.

Где твой братишка, Каин?
Холод седых полей.
Ветер несёт с окраин
Вопли про москалей.

Где твой родимый братец?
Невже так поздно спит?
В кровопролитной рати
Братом своим убит.

Выкорчеван, уничтожен,
Словно и не семья...
«Миленький, милый Боже,
Що ж наробивши я?»

В горем пропахший травень
Каин бредёт, не рад.
Глядь, поднимается Авель...

А в руках — автомат.

БЕЛГРАД

Я помню, бомбили Белград.
Мне было шестнадцать лет.
Это было на Пасху,
И я была в церкви
Со своими друзьями-музыкантами
(Мы потом разошлись —
Они стали заукраинцами);
И вдруг наш любимый батюшка,
Отец Виталий, стопроцентный еврей,
Про которого Галя Огородникова спела
песню,
И эта строчка навсегда в моей памяти:
«Это город, где мальчик еврейский
Всё равно выбирает распятыё», —
Так вот, отец Виталий вышел,
Чтобы прочитать проповедь,
И глаза его были печальны,
И он рассказал нам, что в эту самую минуту
Бомбят Белград.

И мы молились, молились, молились...

Молились и плакали
За наших сербских братьев,
И я чувствовала бессилие и злость —
Но мы ничего не могли сделать тогда.
Разве что Примаков развернул самолёт

Над океаном.
Это ужé был жест,
Правильный жест,
Но Россия ничего не могла сделать —
Россия была беззуба.
И мы ещё долго шутили,
Это вошло в обиход,
Что каждая купленная бутылка «колы» —
Это пуля в спину сербского солдата.

А потом схватили Милошевича,
И было невыносимо смотреть в лицо
Этого несчастного человека.

А потом повесили Саддама Хусейна
Прямо в прямом эфире.

Растрезали Каддафи —

И мы опять стояли в сторонке
И только вздыхали, злились и плакали...

А потом — настало сегодня,
И я чувствую миллионы глаз,
Что смотрят с надеждой:
Россия, не подведи!
И Россия не подведёт.

Жаль только, что Белград
Не отбомбить обратно.

* * *

Она сегодня не та, что вчера, —
Она лежит на мостовой без ноги.
Вокруг стоит такая жара,
Как будто Бог печёт из нас пироги.

Москва далёко, Киев — вот он, летит
Снарядом HIMARS точнёхонько в цель.
Нога на солнце, будто льдина, блестит,
И голубеет вен подкожная гжель.

Владимир-князь, ты на кого бросил нас,
Крестив однажды, словно братьев родных?
Нас развели порознь в сумрачный час
На полигоне огромной страны.

Она лежит, глаза уставив в зенит,
Теперь не больно ей на солнце смотреть.
И так тихонько где-то слева звенит,
Не разберёшь — комарьё или смерть.

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Вы восемь лет топтали нашу боль.
Вы подло наших слёз не замечали,
И нам за всем мерещилось «Яволь,
Майн фюрер!» — так неистово кричали
Герои ваши — там, на той войне,
В которой вас, увы, не дотоптали...
По горло в несмываемой вине,
Из закарпатских схронов вы восстали.

Теперь давить вас — наши боль и пот,
Тяжёлая, но нужная работа.
Учитель, врач, водитель... в бой идёт,
Свой хлеб оставив, доблестная рота.
Скрипач, художник, пекарь, пианист —
Донецкие, луганские ребята...
Под пуль коварных непрерывный свист
Порою, плача, брат хоронит брата.

Но верит каждый, в этой темноте
Лучом лазурным словно освещаем:
И эти сгинут — так же, как и те,
Кого из раза в раз мы побеждаем.
Пускай ещё звучит смертельный марш
И красным залита земная скатерть —
Тернополь, Харьков, Киев — будет наш!
Спаси и помоги нам, Богоматерь.

ЛУЧШИЙ ЧЕЛОВЕК

*Нашим людям,
не дождавшимся
прихода русской армии,
посвящается.*

О том, когда мы встретимся с Тобой,
Молчат дожди и огненные клёны.
Молчит и та ограда за рекой,
Где лучший человек Твой похоронен.

Он жил здесь, пел здесь, на реку ходил,
Считая дни до нашего прихода, —
Когда февраль, суровый командир,
Почти седой, дворянская порода,

Расставил пушки по углам доски,
Раздал штыки и укрепил редуты...
И смерть пустил по лезвию реки —
На пьяный хутор малоросской смуты.

Он не дождался, лучший человек.
Пока снаряды стаями летали,
Он тихо лёг на подпалённый снег
И воспарил в неведомые дали.

ТАНКИ

Есть на свете не связанные сюжеты,
Просто разные повести.
У дороги мальчик дежурит где-то
В Курской области.
Он встаёт пораньше, на завтрак манка,
И бежит на улицу —
Посмотреть, как тянутся к югу танки,
И на солнце щурится.

Там, в котлах, южнее от той обочины,
В запорожской пропасти
Танки сходятся, раскурочены,
Воздух рубят лопасти.
И такой же мальчик не спит в объятиях
Ночи угольной,
Распростёртой над городом Богоматери —
В Мариуполе.

Небо жжёной сползает кожей,
Кровоточит язвами.
Есть сюжеты — внешне вроде похожи,
Но никак не связаны.
Он домой приходит, на ужин каша,
Мама улыбается.
И Алёша спрашивает: как там наши?
— Возвращаются.